

Дуань Шаобо снова потянул Сюэ И за собой. Тот последовал за ним и услышал доносившийся из главной комнаты голос старушки:

- Старик, сын ведь завтра вернётся?

- Да, должен завтра вернуться.

- Тогда с утра сходи и купи полцзиня мяса. Надо как следует его подкормить.

- Ладно, ладно. Ты эти две фразы уже который день повторяешь. Спи давай, спи!

- Невестка ещё не легла. Если она и дальше будет так засиживаться, глаза себе испортит. Пойду потороплю её.

Дуань Шаобо повёл его дальше. Сюэ И слышал звуки супружеских утех, слышал ссоры и брань, слышал о мелких тёмных делишках. Поначалу он чувствовал себя неловко: под покровом ночи подглядывать за чужой жизнью – совсем не подобало практику. Но постепенно он вошёл в удивительное состояние. Шумные перебранки, шёпот и сладострастные стоны отдалились, зато отчётливее зазвучало дыхание – то лёгкое, то тяжёлое, вперемешку с храпом. Дышали не только люди, но и звери, и даже растения.

Казалось бы, всё это должно было сливаться в невыносимый гомон, однако Сюэ И ощутил лишь необыкновенный покой и безмятежность.

Теперь он начал понимать, почему наставник спросил его, что такое ночь.

Да, ночь скрывала в себе грязь и порок, но разве в то же время она не укрывала и не оберегала всё сущее?

Змея, так напугавшая Чу Цзэюя и Лин Сюсю, появилась вовсе не потому, что духовная энергия перестала ему повиноваться. Как раз наоборот. Духовная энергия уже служила ему и лишь приняла облик тьмы – такой, какой он сам её представлял...

Гу Цзыцзю сидел на кровати, скрестив ноги, и мастерил сокровище, которое они с Дуань Шаобо собирались обменять как залог союза на церемонии заключения договора.

Они разделили пополам жемчужину цзяолуна величиной с кулак взрослого мужчины – да-да, ту самую, из белого цзяолуна, которого собирались зарезать. Они договорились, что каждый создаст из своей половины сокровище и подарит его другому.

Гу Цзыцзю выбрал восемнадцать ярких небесных и земных сокровищ, намереваясь соединить их одно за другим и сделать пояс. По отдельности все они выглядели довольно красиво, но стоило сложить их вместе, как Гу Цзыцзю показалось, что от такой безвкусицы можно ослепнуть! И это ещё если забыть о его мастерстве и смотреть только на сочетание цветов.

Позднее Гу Цзыцзю понял, что вообще не стоило браться за настолько сложную вещь. Но просто вставить жемчужину цзяолуна в кусок шёлка или кожи и объявить это поясом он тоже не мог – слишком уж несерьёзно.

Последние два дня Гу Цзыцзю пытался сделать широкий шейный обруч и украсить его разноцветными небесными и земными сокровищами, однако...

[Хозяин, не мучай ты уже свои глаза.]

Системный помощник обратился к Гу Цзыцзю по личной связи.

Другого такого хозяина ещё поискать! Такой властный, крутой, дерзкий и до невозможности могучий, а в итоге... слепой на оба глаза, когда дело касается красоты. Среди бесчисленных цветов он умудрился выбрать Дуань Шаобо – ошибся так удачно, что лучше и не придумаешь. Но, похоже, на этом вся его удача закончилась. Вы только посмотрите, что он с чем сочетает! Каждая новая попытка оказывалась страшнее предыдущей. Не стоило ему становиться практиком меча – лучше бы постигал Великое Дао через живопись. Тогда его разрушительная сила наверняка оказалась бы ещё ужаснее!

К счастью, закончив очередное творение, Гу Цзыцзю хотя бы сам понимал, насколько оно уродливо.

Гу Цзыцзю рухнул на кровать лицом вниз и притворился мёртвым.

Тут он почувствовал, что вернулся Дуань Шаобо, оставив Сюэ И снаружи медитировать. Гу Цзыцзю успел подняться как раз к тому мгновению, когда Дуань Шаобо вошёл в комнату.

– Как всё прошло? – спросил он.

– Ребёнок просто свернул не туда в своих размышлениях. Способности к постижению у него неплохие: хватило пары намёков, и он сам всё понял.

Говоря это, Дуань Шаобо подошёл и сел на край кровати, глядя на Гу Цзыцзю.

– Что случилось?

Стиснув зубы, Гу Цзыцзю достал свой огромный шейный обруч.

– Слишком уродливый.

При одном взгляде на него Гу Цзыцзю сам досадливо скривился. Дуань Шаобо протянул руку, желая взять обруч, и Гу Цзыцзю сперва отдёргнул его, но всё же отдал.

– Не уродливый.

Они проводили вместе каждый день и потому всегда замечали, чем занимается другой.

Дуань Шаобо знал, сколько сил Гу Цзыцзю вложил в эту вещь. Прежний пояс состоял из восемнадцати соединённых секций, на каждой из которых была начертана своя формация. Их можно было использовать по отдельности, но, будучи собранными вместе, они образовывали чрезвычайно мощную защитную формацию, способную соперничать даже с артефактами небесного ранга.

Формации на нынешнем обруче были ещё сложнее и искуснее. К тому же это был лишь полуфабрикат, поэтому узоры формаций пока ничем не скрывались. Они наслаивались друг на друга, вызывая невольное изумление. Дуань Шаобо сумел понять лишь то, что сокровище объединяло в себе нападение и защиту и обладало немалой мощью. Остальное пока оставалось для него загадкой.

А ещё... густо покрывавшие обруч драгоценности были подобны признаниям в любви, которые Гу Цзыцзю не умел произносить вслух. Он украсил его всеми сокровищами, которые любил сам и считал прекрасными.

– Давай поменяем местами Камень Небесной Сокровенности и Пламя Феникса, а потом передвинем Снег Линлун...

Дуань Шаобо из всех сил разбирался в формациях и подсказывал Гу Цзыцзю, как переставить сокровища, не повлияв на действие обруча. Его собственная ступень совершенствования была слишком низка по сравнению с этим сокровищем, поэтому сам он не мог ничего сдвинуть.

Гу Цзыцзю слушался его и передвигал драгоценности одну за другой. Дуань Шаобо видел, как тот время от времени касается чего-нибудь пальцем, изменяя отдельные формации.

– Если я скажу неправильно, поправь меня.

– Ты не ошибся. Теперь стало красивее.

Глаза Гу Цзыцзю сияли. После изменений, предложенных Дуань Шаобо, шейный обруч и в самом деле выглядел всё приятнее.

– ...

Дуань Шаобо испытывал весьма сложные чувства. Его старший соученик всё-таки был немного глуповат или, наоборот, слишком умён?

Так они и просидели в своей комнате больше десяти дней, возясь с широким шейным обручем. Когда все изменения были завершены, Гу Цзыцзю скрыл формации под слоем небесного

текучего золота, использовал собственную волю меча как плавильную печь и напоследок переплавил всё сокровище целиком.

В тот же миг ослепительный драгоценный свет взмыл на тысячи чжанов в небеса!

Снаружи Сюэ И как раз два дня назад завершил медитацию. Его совершенствование одним рывком достигло поздней ступени Заложения Основы, однако сам он по-прежнему выглядел рассеянным и то и дело садился где-нибудь, погружаясь в оцепенение. Чу Цзэюй и Лин Сюсю понимали, что процесс прозрения ещё не закончился, поэтому не мешали ему. В эти дни всё равно не происходило ничего важного, и они попросту дежурили рядом по очереди.

Сейчас Чу Цзэюй и Лин Сюсю сидели в стороне и ели семечки. Их прислал ученик достопочтенного меча Иму. Говорили, что достопочтенный меч Иму нашёл в одном тайном мире необычный духовный плод: мякоти в нём почти не было, зато он весь состоял из семян. Сначала все решили, что плод несъедобен, но стоило расспросить духовных поваров, как из него приготовили закуску, прекрасно скрашивающую досуг.

Опасаясь, что хруст семечек потревожит Сюэ И, оба очищали их руками. Из каждой трёх семечек Чу Цзэюй съедал одно, а два откладывал, и вскоре набралась маленькая тарелочка. Лин Сюсю прекрасно знала, для кого он их приберегает, поэтому с озорной улыбкой принялась воровать. Много не брала – всего по одному-два семечка за раз.

Чу Цзэюй понимал, что она лишь дразнит его, и, закатив глаза, сложил ладони, моля о пощаде. Лин Сюсю тоже закатила глаза, сгребла горсть семечек и тихо сказала:

– Пойду развлекусь.

Чу Цзэюй уже собирался кивнуть, как вдруг почувствовал, что позади что-то взмыло в небо. Когда он обернулся, то успел увидеть лишь ударившую с небес молнию.

Чудовищная ударная волна налетела прямо на них и разом отбросила всех троих!

Чу Цзэюй влетел в собственную комнату, вышиб окно и рухнул на пол. Он торопливо вскочил и уже хотел выпрыгнуть обратно, но в лицо ему ударила волна жара. Небо и земля содрогались от оглушительного грома, отчего перед глазами всё плыло.

Чу Цзэюй прокусил кончик языка, чтобы сохранить ясность сознания, развернулся и одним ударом ладони пробил дыру в земляной стене, после чего выбрался наружу.

Но, оказавшись снаружи, он тут же собрался вернуться. Он ведь не знал, что случилось с Сюэ И и Лин Сюсю.

– Юй!

Чья-то рука схватила его за локоть и с силой потащила прочь с горы.

Одна рука Чу Цзэюя оказалась обездвижена, и он уже занёс вторую для удара. От пережитой встряски ему и вправду пришлось несладко: перед глазами мелькали лишь чёрные, белые и серые пятна, в ушах стоял оглушительный гул. По логике, он не должен был различать ни голосов, ни людей, однако этот оклик прозвучал в его ушах ясно и отчётливо.

Занесённая для удара рука превратилась в объятие, да такое, что Чу Цзэюй вцепился мёртвой хваткой и наотрез отказался отпустить.

В итоге Сюэ И одной рукой тащил его за собой, а Чу Цзэюй всем телом прижимался к его спине и обхватывал за шею. Они и без того прилипли друг к другу намертво, однако Чу Цзэюй ещё и зажмурился, не переставая извиваться и кричать:

– Отпусти! Мне нужно вернуться! Сюсю! Старший соученик!

Лин Сюсю, отправившаяся разыскивать остальных, вернулась и увидела их в столь странном положении. Она молча встала рядом с Ли Биньчэном и больше к ним не приближалась.

Поначалу Сюэ И решил, что Чу Цзэюй действительно перепугался, и старался его успокоить. Но, почувствовав после нескольких его движений неладное, он тут же заметил, что, кроме Ли Биньчэна и Лин Сюсю, вокруг уже собрались и другие старшие. Его голос немедленно похолодел:

– Чу Цзэюй! Слезь!

Чу Цзэюй всё это время держал глаза закрытыми и не знал, что окружающие уже пришли. Однако он понял, что Сюэ И и вправду рассердился, поэтому мог только разжать руки. Но,

увидев покрасневшего до самой шеи Сюэ И, всё же не удержал язык за зубами:

– Старший соученик, а зачем ты только что всё время шлёпал меня по заднице?

Он смотрел на Сюэ И с таким обиженным выражением, словно не сам только что воспользовался положением и облапал его со всех сторон.

Сюэ И свирепо взглянул на него:

– Сейчас не время для твоих шуток!

С этими словами он тревожно посмотрел на грозовые тучи небесной кары.

– Всё в порядке! Что может случиться с наставником и дядей-наставником?!

С тех пор как Гу Цзыцзю ворвался в секту Бурных Волн и спас их троих, вера Чу Цзюя в наставника раздулась до невообразимых пределов. Он подошёл к Сюэ И, намереваясь обнять того за шею, но наткнулся на свирепый взгляд и тут же отдёргнул руку.

– Боевой дед, наставник и дядя-наставник... – Сюэ И тоже верил в них, но лишь когда дело касалось внешних врагов. Сейчас же происходящее со всех сторон напоминало прохождение небесной кары, поэтому уверенности у него заметно поубавилось.

– Не волнуйся. Это не те два мальчишки проходят небесную кару. Это кара, ниспосланная из-за рождения духовного сокровища, – Ли Биньчэн погладил бороду и, успокоив детей, пробормотал себе под нос: – Странно. Откуда здесь взялось духовное сокровище?

Стоявший рядом достопочтенный меч Иму предположил:

– Должно быть, это кара рукотворного духовного сокровища. Кто-то здесь занимался алхимией или обработкой артефактов?

– Не слышал, чтобы те двое умели создавать артефакты, – Ли Биньчэн повернулся к троице детям: – На вашей горе есть посторонние?

Сюэ И посмотрел на Лин Сюсю и Чу Цзэюя. Последние несколько дней он провёл как во сне и только от этого взрыва окончательно пришёл в себя, поэтому совершенно не знал, что творилось на их горе. Лин Сюсю и Чу Цзэюй одновременно покачали головами:

- Мы не видели, чтобы приходил кто-то посторонний.

Однако слова двух практиков Заложения Основы мало что значили. В конце концов всем оставалось лишь стоять и наблюдать за небесной карой духовного сокровища.

Сила этой кары оказалась вполне обычной. После недолгого оглушительного грохота снизу поднялось драгоценное сияние, с небес пролились разноцветные облака, а затем всё стихло.

Ли Биньчэн первым отправился туда. Лощина между высокой и низкой вершинами превратилась в голую пустошь, дома исчезли без следа. Но, увидев Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо, невредимыми стоявших посреди опустошённой земли, все облегчённо вздохнули.

Ли Биньчэн задал лишь один короткий вопрос:

- Что случилось?

Ответ Гу Цзыцзю тоже был прост:

- Я создавал залог союза и потревожил старших.

- А, тогда всё в порядке.

Ли Биньчэн кивнул, развернулся и ушёл. Остальные тоже разошлись.

Сюэ И тихо вздохнул - не из-за их равнодушия, а, напротив, из-за этой сердечной простоты. Если бы духовное сокровище родилось в секте Бурных Волн, разве всё могло бы закончиться так легко? Пусть практики меча и не интересовались артефактами, но духовное сокровище всё-таки не было обычным артефактом.

- Вы трое сходите в город Сияющих Мечей и купите мебель, - позвал их Дуань Шаобо.

Гу Цзыцзю тем временем уже применял заклинание, заново возводя дома.

- Да, дядя-наставник! Да, наставник!

- Понял, младший соученик!

Все трое уже собирались сесть на своих летающих марионеток, когда Чу Цзэюй внезапно потянул Сюэ И за рукав и тихо спросил:

- Ты ведь только что назвал меня Юем?

Сюэ И невозмутимо ответил:

- Я много лет так тебя называл. Само собой вырвалось. А что?

- ...

Немного поколебавшись, Чу Цзэюй всё же произнёс:

- Ничего. Просто давно этого не слышал, вот и обрадовался. Называй меня так почаще.

- Может быть, - уклончиво ответил Сюэ И.

Больше они не разговаривали, спешно добрались до города Сияющих Мечей, купили всё необходимое и так же торопливо вернулись.

Прошло ещё несколько месяцев, и наконец настал день церемонии заключения союза.

Это было важное событие для них двоих, а не для всей секты, однако секта Меча сверху донизу пребывала в радостном возбуждении. Вовсе не потому, что Дуань Шаобо пользовался всеобщей любовью, и уж тем более не из-за красоты Гу Цзыцзю.

Причина заключалась в еде!

Белого цзяолуна зарезали ещё полмесяца назад. Его кровь оказалась синей и поначалу издавала резкий рыбный запах, но неизвестно, какой духовный повар додумался приготовить из неё кровавой тофу. Сам тофу ещё даже не был готов, в него только добавили приправы, а аромат уже без всякого ветра разнёсся на десять ли.

Потом из костей цзяолуна начали варить бульон, и запах буквально взорвался, охватив добрую половину владений секты Меча.

Вокруг горы Ли Биньчэна, где разделявали белого цзяолуна, ещё с начала приготовления кровавого тофу собралась толпа практиков – от Заложения Основы до Зарождения души. Все знали, что это главное блюдо на церемонии заключения союза, поэтому лишь глотали слюну, не осмеливаясь просить угощения.

Наконец-то можно будет поесть! Наконец-то! Больше не придётся каждый день вдыхать этот запах и терпеть нескончаемую, мучительную пытку!

Приглашённые гости прибыли точно к назначенному сроку. Все знали, что секта Меча, хотя и входила в число четырёх великих сект, оставалась бедной, поэтому ехали лишь с искренними поздравлениями для друзей и ничего не ожидали получить взамен. Однако, ещё не добравшись до секты Меча, они ощутили распространившийся далеко за её пределы аромат. Вот это был поистине неожиданный подарок!

Разумеется, среди гостей нашлись и незваные.

Например, бывший наставник троицы, предок Бай Лин, их бывшая старшая соученица Цзо Цзиньэр, а ещё... князь Инъюэ.

На горе Ли Биньчэна прежняя соломенная хижина исчезла, а вместо неё появился дворец. Впрочем, устроен он был просто: впереди располагался огромный парадный зал, за ним тянулся ряд гостевых комнат, а чуть поодаль с северной стороны стояла длинная вереница кухонь.

На этой горе проводили церемонию и принимали гостей, но брачная комната находилась на собственной горе Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо.

На пирах смертных гости занимали места за один-два часа до начала, а практики прибывали за три-пять дней. При этом никого не заставляли праздно ждать: гостей развлекали песнями и танцами, подавали несколько лёгких блюд. Они также могли обсуждать друг с другом законы Великого Дао и делиться постижениями истины, так что скучать не приходилось.

– Этот князь Иньсюэ только что всё время держал меня и не отпускал, да и говорил какие-то непонятные вещи. Он случайно не...

Обращаясь к Лин Сюсю и Сюэ И, Чу Цзэюй с огромным трудом проглотил слова «не в своём уме». Парадный зал, где принимали гостей, находился неподалёку, а князь Иньсюэ был практиком Зарождения души и без труда мог услышать их разговор. Как бы там ни было, он всё-таки гость, а сегодня счастливый день наставника и дяди-наставника. Не стоило навлекать неприятности.

– Ничего страшного. Просто не обращай на него внимания, – внезапно раздался голос позади.

К ним подошла третья ученица Ли Биньчэна, Ван Си. Они с четвёртым учеником, Наньгун Цэ, прежде отправились странствовать, а теперь, получив известие, только недавно вернулись.

– Да, тётушка-наставница!

Все трое почтительно отозвались.

В это же время Гу Цзыцзю получил сообщение, принесённое птицей-вестником. Однако он лишь слегка улыбнулся и совершенно не принял случившееся близко к сердцу.

Князь Иньсюэ с виду казался необузданным, великодушным и верным другом, но в действительности был нерешительным и постоянно прибегал к тайным, подлым уловкам. Поначалу Гу Цзыцзю считал его другом, позднее – лишь приятелем для застолий, а когда Дуань Шаобо тоже отправился странствовать, окончательно перестал обращать на него внимание.

Во время их с Дуань Шаобо странствий князь Иньсюэ не раз пытался окольными путями создавать им неприятности, но они всякий раз давали ему отпор.

Что изменилось оттого, что сегодня он явился лично?

В своё время Гу Цзыцзю так долго гостил в его доме, однако князь Иньсюэ лишь развлекался с изменившими внешность подменами. Гу Цзыцзю выпил вина и ушёл, а тот даже не осмелился догнать его и сказать хотя бы слово. Уже этого хватило, чтобы понять, что он за человек.

Теперь Гу Цзыцзю стал достопочтенным мечи и мог в одиночку уничтожить весь дворец Багрового Снега. Неужели князь Иньсюэ внезапно осмелел настолько, чтобы устроить что-нибудь на церемонии заключения его союза?

В этот миг Системный помощник неожиданно произнёс:

[Какой же он мерзкий.]

[И то верно... Тогда пересадим его на другое место.]

Самому Гу Цзыцзю было всё равно, но он подумал, что Дуань Шаобо наверняка будет неприятно видеть такого человека в самый счастливый день своей жизни.

Место князя Иньсюэ изначально находилось с краю. Гу Цзыцзю отправил сообщение, и вскоре гостя пересадили. На этот раз место оказалось не просто с краю – его отвели в самый дальний угол, погружённый в тень.

Князь Иньсюэ посмотрел на своё новое место, и его прежде белое лицо почернело.

– Хорошо! Очень хорошо!

Он взмахнул рукавами и немедленно ушёл.

Стоило ему согласиться сесть в подобном месте – и положение князя Иньсюэ тоже перестало бы быть прочным.

Впрочем, уйдя, он всё равно потерял лицо. Некоторые из присутствующих знали о чувствах

князя Иньсюэ к Гу Цзыцзю. Пока тот находился рядом, им было неудобно это обсуждать, но после его ухода они не удержались и зашептались со знакомыми. По всему выходило, что Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо его не приглашали. Зачем же тогда он явился без приглашения? Решил испортить настроение двум новобрачным?

- ...Так ему и надо! Правильно, что не стали сохранять ему лицо!

- Если бы он и вправду устроил скандал, то хотя бы показал бы характер. А так поджал хвост и сбежал. Да что он вообще за ничтожество?

- Он всего лишь на стадии Зарождения души. Где ему здесь устраивать скандал?

- Дело не в Зарождении души. Осмелился прийти, но не осмелился поднять шум? Тогда зачем вообще явился? Поестъ?

- Если так подумать, то и правда... Хотя еда в секте Меча действительно отменная.

- Ха-ха-ха! Да зачем о нём вспоминать? Сегодня счастливый день Цзыцзю и Шаобо. Давайте просто есть их угощение и пить их вино!

- Верно!

Князь Иньсюэ оказался лишь маленьким камешком, который, упав в воду, не вызвал почти никакой ряби. После его ухода атмосфера в парадном зале стала ещё оживлённее.

По мнению троицы, единственный недостаток состоял в том, что тем же способом нельзя было выдавить прочь предка Бай Лина и Цзо Цзинъэр. Они прибыли как представители секты Бурных Волн, а потому приходилось сохранять лицо их секте. Оставалось лишь держаться от них как можно дальше.

Когда появились глава секты Фан Цзяньсянь и Ли Биньчэн, все поняли, что благоприятный час настал.

Парадный зал не только не затих – напротив, шум стал ещё громче. Одни выкрикивали поздравления, другие подначивали новобрачных, третьи швыряли в небо безобидные заклинания, которые взрывались словно фейерверки. Даже музыканты были не нужны – вокруг и без них царило праздничное ликование.

Никто не стал призывать гостей к тишине.

Среди этого радостного шума Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо вошли в зал с разных сторон. Оба по-прежнему были одеты в чёрное, однако теперь на них красовались не обычные одежды из грубой ткани, а тяжёлые церемониальные одеяния с широкими рукавами и длинными, стелющимися по полу подолами.

С первого же шага они не отрывали глаз друг от друга. И даже пройдя через весь зал и остановившись перед Фан Цзяньсянем и Ли Биньчэном, они продолжали смотреть друг на друга, словно их взгляды склеились и уже не могли разойтись.

Гости немедленно принялись шуметь и подначивать ещё громче. Ван Си, Наньгун Цэ и троица учеников тоже вопили во всё горло, не говоря уже о прочих практиках меча, пришедших помочь. Несколько человек прямо в зале выпустили энергию меча и начали беспорядочно рубить воздух, тут же подав пример остальным.

Крышу парадного зала защищала воля меча Ли Биньчэна, поэтому её не снесло. При этом сам он не стал мешать младшим безобразничать, и над головами гостей развернулось самое настоящее беснование нечисти.

При виде этой картины Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо тоже рассмеялись.

Дуань Шаобо поднял руку и выпустил чисто-белую энергию меча. Гу Цзыцзю давно знал, что его младший соученик на самом деле любит повеселиться, и потому следом отправил в воздух радужный клинок света.

Два потока энергии меча, словно две резвящиеся рыбки, принялись гоняться друг за другом среди бесчисленных заклинаний и клинков всевозможных форм. В конце концов они переплелись, слившись воедино так тесно, что уже невозможно было различить, где один, а где другой...

Теперь подначивающих стало ещё больше~

Ли Биньчэн с улыбкой поглаживал бороду. Он дважды высек Гу Цзыцзю именно потому, что боялся, как бы с этим мальчишкой чего не случилось. Теперь же выходило, что тогда он повёл себя слишком опрометчиво. Как там говорили смертные? У детей и внуков своя судьба. В то время он и правда оказался чересчур непреклонен. Возможно, и его искусство меча тоже должно...

Нет!

Остановиться! Немедленно остановиться!

Нельзя постигать истину по любому поводу! Ни в коем случае нельзя позволить ступени совершенствования повыситься!

Гу Цзыцзю, Фан Цзяньсянь и остальные достопочтенные меча одновременно посмотрели на Ли Биньчэна. Его аура лишь немного усилилась, но он тут же насильно подавил её. Гу Цзыцзю не придавал этому особого значения, а вот Фан Цзяньсянь и остальные достопочтенные меча обменялись горькими взглядами.

Во всём мире, пожалуй, лишь практики меча один за другим изо всех сил подавляли собственную ступень совершенствования и боялись её повышения.

Впрочем, горечь лишь на мгновение промелькнула на их лицах. Сегодня был счастливый день Гу Цзыцзю и Дуань Шаобо, и подобным мыслям здесь было не место.

<http://bllate.org/book/19889/1985399>